

нию многих видов флоры и фауны, что в свою очередь вызывало антропогенное воздействие на природу, неурожай, перенаселение, миграцию или войны.

Особенности трудовой деятельности коренных народов Севера вырабатывают и определенный стереотип эстетического видения мира, воспроизводство его в особых формах художественного освоения действительности, которые не всегда понятны представителям других культур. Так, переходные обряды манси, моделирующие родительные, свадебные и похоронные обязательные действия, были призваны приобщить человека к социальным стандартам через совокупность предписанных обычаев, прав и обязанностей. Они служили регулирующей программой поведения человека на всем протяжении его жизни, тайные знания передавались из поколения в поколение лишь по женской линии. Часто обряды сопровождалась магическими действиями, в которых выражалось противостояние негативным силам, и охранительными действиями, регулировавшими процесс социализации как каждого члена семьи, так и социума в целом [4, с.8]. Аналогичные обряды существовали и у коми, живущих на севере европейской части России.

В современную эпоху границы этносов часто размываются несмотря на то, что они могут совпадать с государственными границами. Чаще всего этносы бывают смешаны друг с другом как в территориальном, так и в культурном отношении. Это происходит за счет билингвизма и на базе общих элементов в различных культурных сферах. На практике исследователи имеют дело не с этносом в чистом виде, а с людьми, входящими в определенные этнические общности различного таксономического уровня, или самоидентифицирующими себя с определенной общностью. Для многих, особенно малочисленных народов, находящихся в иноэтническом окружении, характерно стремление к сохранению наиболее существенных компонентов собственной культуры при заимствовании компонентов иноэтнических культур. Это заимствование может быть опасно возможностью утраты этносом своей самобытности, если не сохраняется ядро этнокультуры.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 135с.
- 2 Ершов М. В. Дореволюционная модернизация Российской провинции: зауральский город и армия // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Сб. статей. Вып.1. – Ханты-Мансийск: Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. – С.3-33.
- 3 Дунин-Горжачив А.А. Тобольский Север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. В 3 т. Т.1. – М.: Либерея, 1995. – 376с.
- 4 Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 180с.

Слободяник Л.С., г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Сегодня российское общество переживает кризис идентичности, во многом обусловленный противоречиями трансформации политической системы, явлением идеологического вакуума и наступлением состояния социальной фрустрации. Можно сказать, данный кризис является следствием того, что «советское» самоопределение продолжает оставаться ценностно нагруженным, в то время как нагрузка так называемого «русского» самоопределения (самоопределения нового типа в условиях постсоветского общества) значительно беднее и слабее, поскольку оно практически лишено внутреннего содержания[1]. Однако, вне зависимости от этого россиянам необходимо себя сегодня идентифицировать. И эта идентификация – волей-неволей – связана с новым государством, с новым, по сути, обществом. Вследствие этого проблемы формирования новой российской идентичности являются на сегодняшний день весьма актуальными и вызывают интерес многих социологов.

Несмотря на огромное число исследований по данной теме, до сих пор нет более или менее единого подхода к решению проблем, связанных с поиском новой российской идентичности, что, конечно, можно было бы оправдать и отсутствием единых критериев определения самого понятия «идентичность». В своей статье «Неудобства с идентичностью» В.С.Малахов говорит о том, что смысл данного понятия не всегда ясен самому говорящему и, во всяком случае, весьма различается в зависимости от того, кто говорит[2]. Однако, общий смысл данного термина все-таки сводится к следующему: социальная идентичность – соотношение индивида с определенной социальной общностью, которую он рассматривает как Мы-группу[3]. Идентификация в данном случае, является процессом, ведущим к обретению идентичности. По В.А.Ядову, главная функция социальной идентичности со стороны личности состоит в реализации ее потребности в принадлежности к группе. Со стороны общества ее функция предполагает включение индивида в систему социальных отношений[4].

Опираясь на данную дефиницию, нам бы хотелось поставить следующий вопрос: каким образом можно определить пути решения проблемы поиска идентичности в современном российском обществе?

По мнению некоторых исследователей, в данной сфере недостает широких сравнительных исследований, которые позволили бы посмотреть на российский социум со стороны, поставить его в ряд с обществами других стран[5]. В данном контексте совершенно справедливо утверждение Л. Гудкова о том, что аналитическая ценность такой работы заключается в возможности оценить либо общий вектор развития стран, либо определенное место страны на какой-либо шкале. Кросс-культурные исследования, полагает он, позволяют отечественным исследователям сориентироваться в интересующем их проблемном поле[6].

Уже такие выдающиеся ученые, как О.Конт, Г.Спенсер, К.Маркс, М.Вебер уделяли проблемам социального сравнения большое внимание. Однако, как отмечает в своей статье Г.Е.Зборовский, кульминацией в разработке данной проблемы стало творчество Э.Дюркгейма, который полагал, что сравнение может быть доказательным только в случае исключения из него искажающих факторов[7].

Такого же мнения придерживается один из выдающихся социологов нашего времени Н.Смелзер. Он говорит о том, что компаративным анализом принято считать описание и объяснение сходств и различий условий или результатов развития крупных социальных единиц, обычно – регионов, стран, обществ и культур. В истории его развития он выделяет два противоположных подхода: радикальный позитивизм и радикальный релятивизм. Основным недостатком методологии позитивизма является то, что зачастую сравниваемые явления оказываются несопоставимыми, потому что сравниваемые контексты, в которые они укоренены, весьма различны. Это разрушает и достоверность, и валидность обычных компаративных измерений. Однако, как он полагает, постоянные ссылки на контекст ведут в итоге к радикальному релятивизму, где ничто не поддается сравнению. Поэтому предлагаемая Смелзером стратегия заключается в систематизации контекста сравнений, как в плане компаративных индикаторов, так и в плане объяснений компаративных сходств и различий. Применение данной стратегии вполне возможно, если как можно реже использовать явно одинаковые критерии сравнения ряда разных ситуаций. По Смелзеру, одинаковые показатели могут применяться в анализе каких-либо явлений только в тех странах, которые являются «схожими случаями». Безусловно, подобная систематизация контекста требует весьма напряженного труда исследователя[8].

Тем не менее, метод межстранового компаративного анализа с учетом проблем систематизации контекста может быть вполне успешно применен при исследованиях различных

социальных явлений, процессов, образов жизни как отдельных людей, так и социальных групп разных стран. Таким образом, используя данный метод можно было бы попытаться найти решение проблемы поиска идентичности в современном российском обществе.

Представляется нецелесообразным проводить сравнение процессов становления идентичности в России с подобными процессами в более чем одной стране. Это может привести к усложнению программы исследования. Мы полагаем, что для того чтобы компаративные измерения были достоверными и валидными, необходимо, в соответствии с концепцией Смелзера, выбрать для проведения сравнительного анализа одну «схожую» страну. Конечно, при современном культурном разнообразии обнаружить, а главное, обосновать такую «схожесть» непросто. Однако, главным критерием отбора, на наш взгляд, здесь выступает «схожесть» проблемы поиска идентичности и отношения к ней в разных странах. Другими словами, российское самосознание можно сравнивать только с самосознанием граждан той страны, которая – также как и Россия – переживает сегодня кризис идентичности.

По нашему мнению, в качестве такой «схожей» страны может выступить Великобритания. В последние годы все больше британских исследователей обращаются в своих трудах к проблеме идентичности. Вот лишь некоторые названия книг, вышедших недавно в Англии: "Смерть Британии", "Ликвидация Британии", "Как быть британцем?", "Знаем ли мы, кто мы есть?"[9]. Подобная озабоченность связана с тем, что страна, вследствие утраты старых имперских ценностей и понятий, увеличения миграционного потока из стран Содружества и проведения правительством новых лейбористов реформ, направленных на изменение имиджа страны, переживает многоаспектный кризис идентичности[10]. Попытки разрешить этот кризис предпринимаются многими британскими социологами, такими как Энтони Хит, Дэвид Макфруэн, Кришан Кумар, Кен Пламмер и др. Из всего этого можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день проблема идентичности является весьма острой для Великобритании.

Но наши страны схожи не только потому, что обе сегодня переживают кризис идентичности. По мнению А.А.Громыко, у нас намного больше общего, чем может показаться на первый взгляд. У обоих государств позже сложилось тройное этническое ядро - русские-украинцы-белорусы и англичане-валлийцы-шотландцы. Географическое положение и у России и у Великобритании – промежуточное: у первой - на стыке между Азией и Европой, у второй - между Европой и Северной Америкой. Обе страны давно озадачены проблемой поиска своей роли в мире. В России и в Британии часто говорят о Европе в третьем лице, тем самым, подчеркивая своеобразие своего геополитического положения. Оба государства поочередно испытали шок от потери своих империй. На состоянии национального самосознания сильное влияние оказывает проблема сепаратизма - Северная Ирландия и Чечня. И, следовательно, в обоих государствах остро стоит вопрос, связанный с понятием "нация"[11], а сама структура идентичностей представляет собой «матрешку», где российская и британская идентичность выполняют роль так называемых «зонтичных» идентичностей, формирование которых на данный момент является прерогативой правительства и государственных структур. К сожалению, у нас нет возможности подробно рассмотреть вопрос «схожести» России и Великобритании. Однако, все же можно сделать вывод, что выбрать именно британскую идентичность в качестве одного из объектов такого кросс-культурного исследования целесообразно.

На наш взгляд, сравнительное изучение процессов формирования новой идентичности в России и Великобритании позволит не только оценить состояние идентичности россиян на сегодняшний день. Анализ проблем, связанных с развитием новой британской идентичности, даст возможность глубже понять причины возникновения кризиса российской

идентичности, а также найти общие пути выхода из него. Результатом проведения подобного компаративного исследования может явиться выработка оптимальной стратегии формирования и развития новой российской идентичности с учетом особенностей современного российского общества.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения. 2004. №3
- 2 Малахов В. Неудобства с идентичностью // <http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>
- 3 Социологический энциклопедический русско-английский словарь под ред. С.А. Кравченко. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», ООО «Изд-во Транзиткнига», 2004. с. 129
- 4 Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. // Мир России. 1995 № 3-4. с. 163
- 5 Магун В.С., Магун Ася В. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений. // http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/318069/identifikatsiya_grazhdan_svoej_strany.pdf.html
- 6 Гудков Л. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности. // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1 январь-февраль. с. 39.
- 7 Зборовский Г.Е. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема. // Социологические исследования. 2005. № 12 с.45
- 8 Смельзер Н.Дж. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социологические исследования. 2004. № 11. с. 3-8
- 10 Громыко А.А. Великобритания – Европа западного мира. // <http://www.gromyko.ru/Russian/Brit/brit2.htm>
- 11 Cohen, R. The Incredible Vagueness of Being British/English // International Affairs. 2000. Vol. 76, No. 3. P. 576–577.
- 12 Громыко А.А. Указ. соч.

Мустафин А. А., г. Ангарск

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Формирование российской национально-культурной идентичности не было линейным процессом. Оно проходило в сложных и противоречивых условиях культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-культурных преобразований, особенно глубоко затронувших Россию в конце 1990 годов.

На протяжении 10-15 лет российское самосознание прошло нелегкий путь от безоглядного увлечения идеями бескорыстной дружбы и добрососедства с «цивилизированным миром», к трезвому осмыслению внешнеполитических задач России и формированию «нового патриотизма», который должен опираться не столько на идеологические, сколько на экономические основания общенациональной безопасности. В этом контексте существенно изменились многие представления наших сограждан о современном глобальном мире и в первую очередь – это их мнение по поводу отношения к России всего западного мира.

Как тут не скажешь, что исторические стереотипы устойчивы. Почти полтора века назад известный русский философ и учёный Н. Я. Данилевский в это связи писал: «Если Русь, в смысле самобытного славянского государства, есть препятствие делу европеизма и гуманитарности и если нельзя притом, к сожалению, обратить её в *tabula rasa* для скорейшего развития на его месте истинной европейской культуры *pur sang*, то, что же остаётся делать как не ослаблять то народное начало, которое даёт силу и крепость этому общественному и политическому организму? Это жертва на священный алтарь Европы и человечества» [1;64].